

УДК 94(470.21)

Исторические типы поселений на Кольском Севере как ландшафтные «тексты» российского освоения¹

© **Фёдоров** Павел Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, проректор по научно-исследовательской работе Мурманского государственного гуманитарного университета. Контактный телефон: +7 (8152) 21 38 39. E-mail: City-Murmansk@yandex.ru.

© **Головач** Роман Иванович, аспирант кафедры истории Мурманского государственного гуманитарного университета. E-mail: real_roman@mail.ru.

На основе описания последовательно возникавших исторических типов поселений Кольского Севера в статье предлагается способ рассмотрения процесса российского освоения приарктических территорий в качестве контактирующих друг с другом ландшафтных «текстов». Подход обращен к глубине культурной освоенности северного пространства, позволяя отказаться от нередко упрощенного понимания освоения как «колонизации» пустующих пространств.

Ключевые слова: урбанизация, город, индустриализация, колонизация, модернизация, культурный ландшафт, Кольский Север, трансформация, поселение.

The historical types of the settlements on the Kola Peninsula, like landscape 'texts' of the Russian exploration

© **Fedorov** Pavel Viktorovich, Doctor of History, Professor of the Historical Department, vice-rector of the scientific research work in Murmansk State Humanitarian University. Contact phone: +7 (8152) 21 38 39. E-mail: City-Murmansk@yandex.ru.

© **Golovach** Roman Ivanovich, postgraduate of the Historical department of Murmansk State Humanitarian University. E-mail: real_roman@mail.ru.

Abstract

Based on the description of the appeared historical types of the settlements in the Kola North. In the first article the way of looking at the process of development of the Russian-Arctic areas, which are contacted with each other landscape 'texts'. The approach is addressed to the depth of

¹ Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12–31–01200).

the cultural development of the northern area, allowing you to refuse from often simplified understanding of the development of a 'colonization' of empty spaces.

Keywords: *urbanization, city, industrialization, colonization, modernization, cultural landscape, Kola North, transformation, settlement.*

Заселение приарктических территорий представляло собой весьма интересный феномен социальной истории. Миграционные волны оставляли на земной поверхности определенный ландшафтный «текст» в виде по-разному организованных поселений людей. В течение последнего тысячелетия в процессе освоения Кольского Севера сообщества на его территории были основаны различные исторические типы поселений, в том числе погост, становище, село, деревня, выселок, монастырь, колония, поселок, город и т. д. Вполне резонно предположить, что все эти исторические типы были взаимосвязаны между собой – как с точки зрения их соотносимости, так и в плане возможной трансформации, поглощения одного типа другим. Рассмотрение этой проблемы важно для выяснения механизмов освоения северных пространств, в частности для осмысления одного из исторических поворотов – перехода к военной и индустриальной урбанизации в советский период. На Кольском Севере данный процесс происходил наиболее контрастно, поскольку данная территория превратилась в один из самых урбанизированных регионов России. Соответственно, в изучении природы феномена арктической урбанизации немаловажное значение должен иметь не только учет политических и идеологических особенностей, вызванных внешним влиянием, но и того социального наследия, с которым территория встретила появление городов.

В выступлениях наших скандинавских коллег нередко обнаруживается стремление рассматривать процессы заселения приарктических территорий России в качестве бесконечно длящейся «колонизации» пустынных пространств, на основании чего советская урбанизация Севера трактуется ими как поверхностное «напыление» социальных сред под влиянием авторитарного государства². Едва ли можно согласиться с таким подходом. Русский мир укоренялся среди полярных ландшафтов столетиями, сформировав систему передачи опыта социальной адаптации через преемственность исторических типов поселений: на месте или вблизи сезонных и мелких поселений вырастали значительные населенные пункты и города.

Прежде чем сделать обзор исторических типов поселений на Кольском Севере, следует наметить возможные критерии для их анализа. К ним относятся: численность населения, национальный состав, адаптация населения (степень его укорененности), основные за-

² Авторы статьи не могут проиллюстрировать это мнение ссылками на соответствующую литературу и вынесли его из устных дискуссий с западными коллегами.

нения населения, планировка (регулярная, полурегулярная, хаотическая), застройка (деревянная или каменная; малоэтажная или многоэтажная), правовые аспекты формирования.

Первыми в истории освоения Кольского Севера стали *поселения сезонного характера* – погосты и становища, различающиеся, главным образом, по национальному составу населения. Сезонные поселения отличались простотой организации, облегченностью жилищ, сравнительно небольшими размерами.

Погост (сийт) – традиционное поселение лопарей (саамов), появление которого относится к эпохе до прихода славянского населения. Местное коренное население – саамы, жившие общинно-родовым строем, традиционно вели полукочевой образ жизни. В летний период они делились на группы и уходили для занятия рыболовством. Там они основывали «летние» погосты, состоявшие из шалашей (кувакс). На зиму весь род селился в одном месте – зимнем погосте, где дома напоминали полуземлянки, сверху прикрытые хворостом. Как правило, землянки скрывались под снегом в целях маскировки [9, с. 21–22]. Несколько позже на основе шалашей и землянок появляется новый тип жилища – *вежа*. Со временем мирное сотрудничество саамов и русского населения, принесшего с собой сравнительно высокую материальную и духовную культуру, оказывает прогрессивное влияние на саамское общество, которое становится более оседлым. В результате саамские погосты начинают прикрепляться к определенной территории, а сам термин «погост» начинает означать не только селение общины, но и местность, которой владели члены данной общины. Для нового образа жизни прежние типы жилищ не подходили, поэтому саамы начинают строить *тупы* – рубленные жилища из толстых жердей. По внешнему виду тупа напоминала русскую избу и использовалась в качестве зимнего жилища. К началу XVII века на Кольском полуострове было 14 погостов. Как правило, население погоста не превышало 200 человек. К наиболее крупным погостам относились Понойский, Кильдинский (Муномошский), Ловозерский³.

Не позднее XIII века начинается древнерусское освоение Кольского полуострова, когда на его территорию стали приходить новгородцы для промысла рыбы и пушнины, а также для осуществления меновой торговли с местным населением [4, с. 173]. Специфический характер рыбного промысла вынуждал выходцев из русских беломорских сел ставить хозяйственные избы, амбары и временные жилища на месте саамских погостов (сийтов), на морских побережьях, близ устьев рек и тем самым основывать сезонные поселения – *становища (тони)*. Большая часть русских рыбопромышленников приходила в весенний и летний период, но некоторые оставались и на зиму для промысла тюленей. Например, типичным

³ Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XV–XVII веках. Л., 1930. С. 55–62.

примером беломорских становищ является Лувеньга [10, с. 137], которая в XVI веке насчитывала всего две избы. С XVI века становища появились на Мурманском берегу. Весенний промысел сосредоточился у северо-восточных побережий полуострова Мотка, который стал зваться Рыбачьим. Здесь возникли целые поселки из рыбацких станов – жилых изб со складами, банями, приспособлениями для сушки рыбы и вытопки жира. В дальнейшем в наиболее крупных становищах (таких как Териберка, Харловка) численность в сезон промысла колебалась в районе 500–700 человек [13, с. 19–20].

Возникновение и развитие сезонных поселений фактически подготовило условия для возникновения на Кольском Севере *постоянных селений* (села, деревни, выселка). Наиболее раннее упоминание о первых русских селах – Умбе и Варзуге – относится к 1466 году, и, как следствие, затем были образованы две волости, подчинявшиеся двинскому посаднику, – Варзужская и Умбская соответственно⁴. В дальнейшем возникли и другие поморские деревни: Кузомень, Тетрино, Оленица, Сальница и пр. [9, с. 32]. Со временем эти селения начинают разрастаться, как следствие планировка от хаотичной все больше стала напоминать полурегулярную, имеющую элементы улиц. Вместе с тем застройки носили характер малоэтажных зданий, каменных строений не было. Села возникали стихийно, поэтому законодательного оформления их появления не существовало. Численность населения в наиболее крупных селах варьировалась от 500 до 1 000 человек. В Варзуге в 1910 году проживало 1 001 человек, в Кузомени – 780 человек, а в Кандалакше в 1914 году – 541 человек [10, с. 36, 93, 121]. Обычно рядом с домом строили деревянные амбары, погреба и прочие хозяйственные постройки. Главная улица устраивалась вдоль реки, на нее выходили фасады жилых домов.

Отличие села от деревни и выселка состояло в более высокой культурности села: в нем, как правило, имелся храм. Храм занимал одно из лучших, центральных мест, около него собирался народ для празднований и совершения обрядов [6, с. 10]. Деревня обычно была меньше села, выселок, в свою очередь, представлял собой осколок села или деревни, включавший, как правило, несколько строений. Выселки зачастую приписывались к селам или деревням и находились на некотором удалении от них. Например, Сальница находилась в 50 км от Кузомени. В 1854 году в ней проживало всего 17 человек [10, с. 231–232].

Большая роль в освоении пространства Кольского Севера принадлежит церкви, участвовавшей в организации общин монахов или монастырей. В середине XVI века в Кольском Заполярье возникли свои местные монастыри в Коле, Печенге и Кандалакше. Академик С. Ф. Платонов обращал внимание на то, что на Русском Севере «пустынь, основанная иноками в

⁴ Административно-территориальное деление Мурманской области (1920–1993 годы): Справочник. Мурманск, 1995. С. 18.

необитаемой глуши, непременно притягивала к себе население, как только бывала найдена случайными „приходцами“ в их поисках новых хозяйственных заимок» [8, с. 33]. Это правило, несомненно, действовало и на Кольском Севере: во всяком случае, у истоков русских поселений уездного города Колы и села Кандалакши в XVI веке стояли основанные на этих территориях монастыри.

Население монастырей, как правило, не превышало 200 человек (включая монахов, послушников и трудников) и в связи с миграциями духовенства и паствы было довольно неоднородным с точки зрения укорененности. Монастыри в XVI–XVII веках возникали стихийно и законодательного оформления создания не имели. Облик кольских монастырей отличала хаотичная деревянная застройка. Лишь только в Трифоно-Печенгском монастыре, Синодский указ о воссоздании которого датируется 1886 годом, была осуществлена попытка придать планировке полурегулярный вид [10, с. 272; 11].

Еще одним историческим типом поселений является *колония*, под которой понимается расположенное на Мурмане поселение, основанное переселившимися мигрантами. Появление колоний относится к 60-м годам XIX века, когда российское правительство решило предоставить льготы и привилегии лицам, пожелавшим переехать в прибрежную полосу Баренцева моря [3, с. 4–5; 7, с. 195]⁵. В течение непродолжительного времени в западной части побережья возникли колонии Ура-Губа, Цып-Наволок, Вайда-Губа, Западная Лица, Титовка и др.; в восточной – Териберка, Гаврилово, Кильдин и др. Основу населения колоний составляли русские, финны и норвежцы.

Многие из колоний возникли на базе становищ: Восточная Лица, Харловка, Териберка. Хаотическая застройка становищ перерабатывалась в колонии в полурегулярный вид, свойственный поморскому селу. В центре колонии нередко возводился храм, к которому тянулись улицы и переулки с домами колонистов.

В общей сложности численность колонистов медленно, но неуклонно росла. К 1899 году на Мурманском берегу проживало более 2 тыс. человек, а в 1914 году – уже 3 183 человека [9, с. 323–324, 414, 447]. В одной из самых крупных колоний – Ура-Губа – в 1913 году проживало 292 человека [10, с. 281]. Население Мурманского побережья постепенно укоренялось, вследствие чего колонии все больше напоминали традиционные села.

⁵ Мурманский берег начал осваиваться не позднее XVI века, вследствие чего на его территории стала появляться сеть сезонных русских становищ. Термин «колонизация Мурманского берега», под которым понимался процесс заселения побережья в результате дарования правительственных льгот, начал употребляться в публицистической литературе во второй половине XIX века, а в советское время переключался и в научную историческую литературу (И. Ф. Ушаков). Термины «колонист» и «колония» широко использовались в официальной российской документации со времени самой «колонизации».

С конца XIX века возникает новый тип поселений – *поселок*. Его появлению способствует создание на территории края промышленно-транспортной инфраструктуры – лесопильных заводов и строительство в 1915–1916 годах железной дороги. Поселки формировались за счет рабочих и железнодорожников, иногда на месте или вблизи старинных сел, иногда и в удалении от них. В досоветское время количество жителей поселков могло достигать 500 человек. Так, например, к Умбскому лесопильному заводу в 1902 году было приписано 520 рабочих, а в первом поселке при Ковдском заводе численность населения в 1897 году составляла 503 жителя [9, с. 425].

Вершиной в иерархии поселений на Кольском Севере стал *город*. В доурбанизационную эпоху на Кольском Севере города существовали как уездные центры, в которых располагались органы власти, а численность населения не превышала 1 000 человек (Кола, Александровск).

Кола появляется в XVI веке как промысловое и торговое поселение [12, с. 270–279]. С 1582 года в Коле находилась резиденция кольских воевод, а через год в ней же создается оборонительное укрепление – острог, с которым Кола приобретала облик средневекового «города». В 1854 году Кола подверглась бомбардировке английским корветом «Миранда», в результате город не только лишился Кольского острога, двадцатиглавого Воскресенского собора, но и практически всей жилой застройки. Впрочем, после произошедшего пожара Кола довольно быстро восстановилась, хотя приобрела при этом вид обычного поморского села: планировку города составляли несколько улиц с малоэтажной деревянной застройкой. Численность населения Колы достигла своего максимума в первой половине XIX века, составив 900 человек [5, с. 15]. Во второй половине XIX века количество жителей в ней снизилось до 600 человек [5, с. 12]. Утрата Колой черт средневекового города привела к появлению скептических оценок. Так, архангельский вице-губернатор А. Я. Софронов считал, что «Кола до такой степени ничтожный город, что правительство признало его совершенно бесполезным» [1, с. 13].

В 1899 году уездные учреждения были переведены из Колы в только что основанный на месте колонии город Александровск. Главным объектом, ради которого и возник Александровск, был коммерческий порт. Александровск имел все атрибуты уездного города и фактически являлся государственным проектом, созданным в кратчайшие сроки. В центре, у пристани, располагалась прямоугольной формы площадь, вокруг которой сгруппировались главные учреждения – городское училище, казначейство, полицейское управление, больница с родильным отделением. От площади на северо-восток по единственной улице – «про-

спекту» – выстроились одноэтажные типовые жилые дома. Вдоль них тянулись деревянные тротуары. Город финансировался из государственной казны; среди его жителей было много служащих [1, с. 16–19]. В отличие от средневековой Колы новый уездный центр создавался на принципиально новых технических основаниях: в городе была проложена канализация, проведено электричество. Однако рост города (в 1914 году его численность составляла 627 жителей) и порта ограничивался отсутствием надежных коммуникаций с центром страны [9, с. 407].

Урбанизация, начавшаяся на Кольском Севере после постройки Мурманской железной дороги, прорастала из той системы исторических типов поселений, которая включала в себя от примитивных, «низших» форм до более сложных (рис. 1). Генезис военно-индустриального города на Кольском Севере мог представлять собой процесс трансформации села (Кандалакша), уездного города (Кола, Александровск-Полярный). В основе целого ряда промышленных городов Кольского Севера (Мурманска, Кировска, Мончегорска, Оленегорска, Заполярного, Ковдора, Апатитов, Полярных Зорь) лежали поселки, возникавшие нередко вблизи старых поселений, но фактически на пустом месте.

Так, официально открытый 4 октября 1916 года в 10 км к северу от бывшего уездного центра Колы Романов-на-Мурмане⁶ в первые годы своего существования можно было считать городом только лишь формально. Несмотря на существование ряда проектов по застройке и планировке города, Мурманск развивался стихийно, а застройка преимущественно носила хаотичный характер. В качестве жилищ население использовало вагоны, землянки, фанерные домики и т. д. К 1920 году население Мурманска составляло 2,5 тыс. человек, а внешний облик города больше походил на лагерь. Многие жилые помещения были мало пригодны для жизни, их число постепенно уменьшалось из-за пожаров и ветхости. Скорее Мурманск напоминал конгломерат поселков (железнодорожный, портовый, военноморская база и т. д.), нежели город. Жилой фонд города к 1926 году состоял из 76 строений с общей полезной жилой площадью 1 317 кв. м [2, с. 23], а население города к концу этого года – 8 777 человек⁷. Медленным темпам прироста населения способствовала и безработица⁸, поэтому многие приезжие вынуждены были покидать город. «Город производит сначала довольно жалкое впечатление: беспорядочный ряд как будто наскоро сколоченных домов, жалкие ларьки вместо лавок, жалкая станция», – такое впечатление производил Мур-

⁶ С весны 1917 года – Мурманск. См.: Приказ начальника Кольского района № 271 // Кольские карты. URL: <http://www.kolamar.ru/img/prikaz.jpg> (дата обращения: 4.06.2012).

⁷ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги (Россия). СПб., 1999. С. 28.

⁸ На конец 1928 года в Мурманске половина трудоспособного населения не имела работы. Полярная правда. 1928. 22 декабря.

манск на приезжих в середине 20-х годов⁹. И вот на этой «поселковой», так сказать, первооснове в начале 1930-х годов началось бурное развитие Мурманска, что было связано с превращением его в крупный центр рыбной промышленности, образования, науки и культуры.

Специфика генезиса того или иного города обуславливала целый ряд особенностей городского развития и влияла на выбор места и строительства, особенности планировки и застройки, методы переселения, адаптацию пришлого населения и его взаимоотношение с местными жителями, хозяйственную специализацию районов и основные сферы занятости населения, бытовые условия. В то же время сам город в процессе своего развития мог спровоцировать появление «пригородных» ландшафтов, своего рода городских «спутников» в виде поселков и сел, тесно связанных с городской инфраструктурой. В каждом конкретном случае особенности происхождения советского города на Кольском Севере должны определять и методологию исторического исследования.

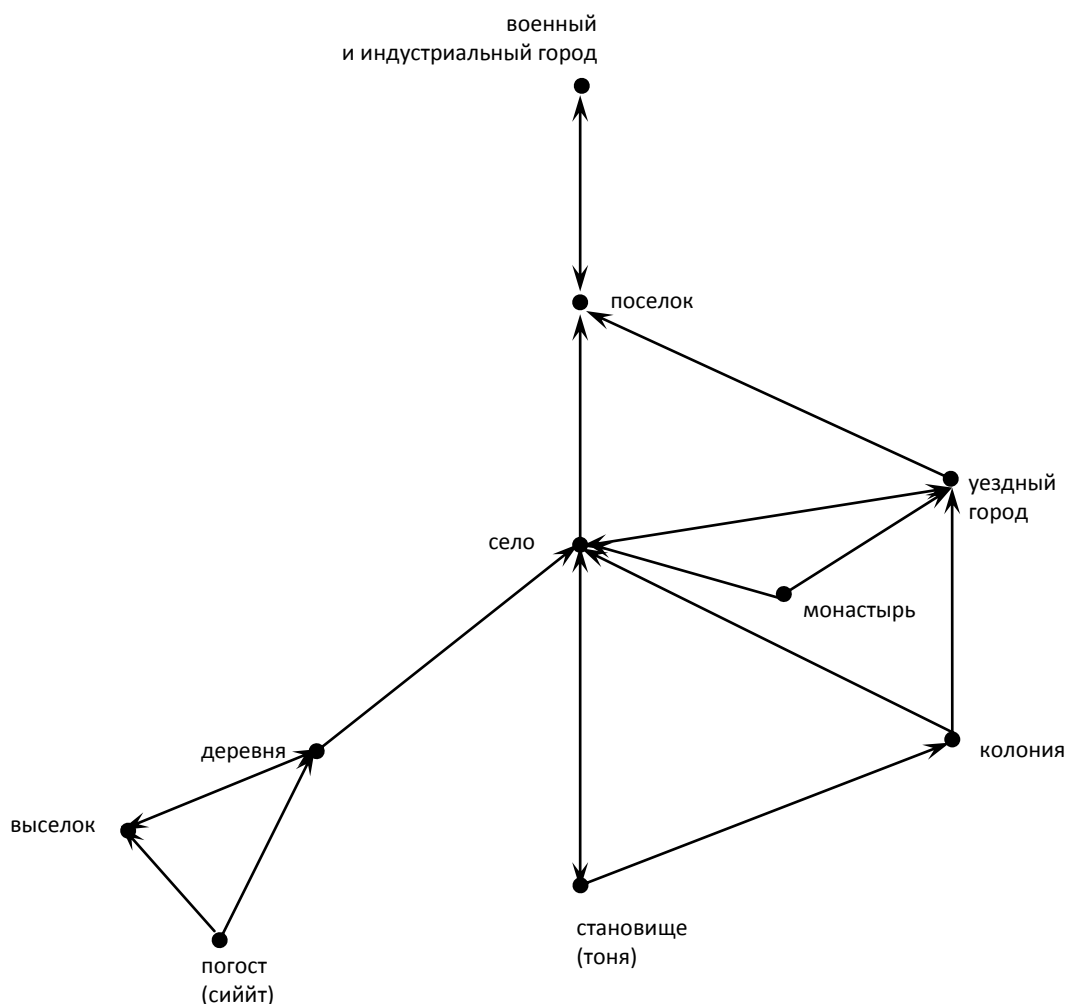

Рис. 1. Преемственность исторических типов поселений Кольского Севера в процессе освоения

⁹ Боч Г. Н. Экскурсия на север. Государственное издательство. 1926 // Скиталец. URL: [http:// www.skitalets.ru/books/severexp_boch/](http://www.skitalets.ru/books/severexp_boch/) (дата обращения: 27.08.2011).

Сам факт, что на территории края происходил многовековой процесс формирования различных исторических типов поселений, в немалой степени объясняет, почему в то время, когда на огромных необжитых пространствах Крайнего Севера к востоку и юго-востоку от Архангельска в период индустриализации только появлялись «лагерные» поселения и поселки, на Кольском Севере происходил уже переход к урбанизации.

Проиллюстрированный нами процесс развития исторических типов поселений свидетельствует об ограниченности часто используемого термина «колонизация» для понимания истории заселения российского Севера. «Колонизация» в большей степени соответствует ситуации первичного появления населенного пункта на неосвоенном, чужеродном пространстве, являющимся фронтиром. А в нашем случае речь может идти не столько о колонизации, сколько о процессе *освоения* уже присоединенной территории, предполагающем увеличение глубины культурного укоренения и усложнение ландшафтного «текста».

Литература

1. Вехов Н. В. От Александровска-на-Мурмане до Полярного // Московский журнал. История государства Российского. 2005. № 11.
2. Киселев А. А. Мурманск в истории улиц и площадей. Мурманск: Кн. изд-во, 2006.
3. Козмин К. Исторический обзор Мурманского берега // ИАОИРС. 1915. № 1.
4. Макаров Н. А. Колонизация Севера в X–XIII вв. и некоторые общие проблемы взаимоотношения центра и окраин в истории средневековой Руси // Древности Русского Севера. Вологда, 1995.
5. Малашенков А. А., Фёдоров П. В. Коляне (XIX – первая четверть XX в). Мурманск: МГПУ, 2010. Ч. I: Словарь.
6. Неруш И. А. Города Кольского Севера. Мурманск, 1978.
7. Орехова Е. И. Колонизация Кольского полуострова во второй половине XIX – начале XX в. (По материалам фондов Мурманского областного краеведческого музея) // Ушаковские чтения. Мурманск: МГПУ, 2004.
8. Платонов С. Ф. Прошлое Русского Севера: Очерки по истории колонизации Поморья. СПб.: Время, 1923.
9. Ушаков И. Ф. Кольская земля. Мурманск: Кн. изд-во, 1972.
10. Ушаков И. Ф. Кольский Север в досоветское время. Историко-краеведческий словарь. Мурманск: Кн. изд-во, 2001.
11. Фёдоров П. В. История Трифоно-Печенгского монастыря (1886–1917 гг.) Мурманск: МГПИ, 1996.
12. Шаскольский И. П. О возникновении города Колы // Исторические записки. М., 1962. Т. 71.
13. Яреньгин А. Ф. Становище Харловка-на-Мурмане // ИАОИРС. 1910. № 6.

Рецензент – Голдин Владислав Иванович,
доктор исторических наук, профессор.